

КУПЕЧЕСКИЕ КОЖЕВЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

М. Я. ВОЛКОВ

До настоящего времени исследователи при изучении истории промышленности России главное внимание уделяли истории «указной» промышленности, которая находилась в XVIII в. в ведении Мануфактур- и Берг-коллегий.

Но, как отмечено в новейших работах, источники содержат множество указаний, что еще в первой половине XVIII в. существовало немало кожевенных, мыловаренных, винокуренных, солодовенных и других «заводов»¹. Они не находились в ведении Мануфактур-коллегии и их владельцы не получали льгот «указных» предпринимателей. Условно эту группу «заводов» можно назвать «неуказными» предприятиями. До настоящего времени у нас нет определенных представлений об организации и характере производства на этих предприятиях. О кожевенной промышленности, в частности, П. Г. Любомиров писал, что «в XVII в. эта отрасль промышленности проводилась в формах мелкого производства — домашнего, кустарного и ремесленного». С некоторыми оговорками П. Г. Любомиров распространил этот вывод на весь XVIII в. Эту точку зрения разделяют Е. И. Заозерская и некоторые другие историки². Правда, в последнее время Е. И. Заозерская и Л. В. Данилова высказали предположение, что отдельные «неуказные» предприятия, в том числе и отдельные кожевенные «заводы», были предприятиями мануфактурного типа³. К сожалению, это предположение не обосновано документами.

Настоящая работа посвящена истории «неуказных» предприятий лишь в одной отрасли — в кожевенной промышленности первой четверти XVIII в. Так, как абсолютное большинство владельцев предприятий этой отрасли, которые переросли рамки мастерской ремесленника и мелкого товаропроизводителя, были купцами, то автор ограничивается изучением истории купеческих кожевенных предприятий, т. е. принадлежащих купцам гостиной сотни и «первостатейным» людям посада. Основная цель автора состоит в том, чтобы рассмотреть вопросы о количестве «неуказных» кожевенных предприятий купцов первой четверти XVIII в., организации и характере производства на них.

Материалом для статьи послужили «сказки» 1704 г. гостей и купцов гостиной сотни и ведомости 1719—1720 гг. «О ремесленных людях», которые уже использовались Е. И. Заозерской⁴. В дополнение к этим источникам автор привлек ревизские сказки купцов и посадских людей

¹ «Очерки истории СССР. Вторая четверть XVIII в.» М., 1957, стр. 121; Е. И. Заозерская. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII века. «Вопросы истории», 1949, № 6, стр. 83; Н. И. Павленко. О происхождении капиталов, вложенных в металлургию России XVIII в. «Исторические записки», т. 62, стр. 170—197.

² П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века, М., 1947, стр. 169, 174; Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1952, стр. 347—348.

³ «Очерки истории СССР. Вторая четверть XVIII в.», стр. 121—122, Л. В. Данилова. Мелкая промышленность и торговля в русском городе во второй половине XVII — начале XVIII в. «История СССР», 1957, № 3, стр. 97.

⁴ ЦГАДА, Монастырский приказ, ф. 237, оп. 1, 1704 г., д. 1136, 1048, 1070, 1087, 1111, 1112, 1116, 1141, 1142; Берг-коллегия, д. 271, оп. 1, кн. 614, 634; Е. И. Заозерская. Сказки торговых людей Московского государства 1704 г. «Исторические записки», т. 17, стр. 245—264; е е же. Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв. Сб. «Петр Великий», т. I стр. 214—245, М.—Л., 1947; е е же. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII века. «Вопросы истории», 1949, № 6, стр. 70—84. В этих работах дана источниковедческая оценка «сказок» 1704 г. и ведомостей 1719—1720 гг. «О ремесленных людях».

1722—1723 гг. и книги записи крепостных актов ряда городов России⁵. Ревизские сказки, несмотря на известную статичность данных, дают массовый материал по истории промышленности и торговли русского города первой четверти XVIII в., из которого мы выбрали данные о количестве купеческих кожевенных «заводов» в целом ряде городов. Книги записей крепостных актов содержат ценные сведения о найме рабочей силы на кожевенные «заводы». Кроме этих материалов в статью использован такой известный источник как переписные книги первой четверти XVIII в. (по Угличу 1705 и 1716 гг. и по Ярославлю 1710 г.)⁶.

* * *

Кожевенное производство являлось одной из наиболее развитых отраслей промышленности России в конце XVII — начале XVIII вв. О его развитии некоторое представление дают сведения Генеральной ведомости о товарах. В Московской губернии в 1724—1726 гг. было продано 533 297 пудов красной юфти, т. е. более 1,6 млн кож⁷. Крупнейшими центрами кожевенной промышленности XVII—XVIII вв. были Ярославль, Тверь, Казань, Кострома, Вологда, Чебоксары, Калуга и Болхов.

На развитии кожевенного производства сильно сказались условия спроса. Наряду с тем, что имелся значительный спрос на кожевенные изделия внутри страны, большое количество кож шло на вывоз за границу. В середине XVII в. за границу вывозилось 75 000 пудов юфти, в 1717—1719 гг. в среднем в год отпускалось из Архангельска 164 137 пудов и из Петербурга — 6175 пудов, всего 170 312 пудов; в 1726 г. отпущено из Архангельска 2872, из Петербурга — 169 137 пудов, всего 172 тыс. пудов юфти⁸.

В кожевенной промышленности сложились многочисленные кадры производителей, которые обладали необходимыми навыками для производства различных сортов кожи. Разделение труда в этой отрасли производства достигло довольно высокого уровня⁹. Массовый спрос на выделанные кожи и наличие базы широко развитого ремесленного производства создавали условия для организации производства в более крупных размерах, чем это возможно в мастерской ремесленника.

Организация купеческих кожевен началась еще в XVII в. В Нижнем Новгороде существовало крупное кожевенное предприятие Василия Шорина и Семена Задорина. Более крупными предприятиями, чем ремесленная мастерская, были кожевенные «заводы» С. И. Поганкина в Пскове и некоторых других купцов¹⁰. К началу XVIII в. число купече-

⁵ ЦГАДА, Ландратские книги и ревизские сказки, ф. 350, оп. 1. кн. 86, оп. 3, кн. 1211, 1219, 1228, 2705, 4076, 4375, 4543, 4733, 4754, 5072, 5550, 5601; Крепостные книги: по Костроме, 1707, 1708, 1711, 1713 гг.; кн. по Ярославлю 1727 г.; кн. по Городову 1726, 1727 гг., кн. по Казани 1720, 1721, 1722, 1723 гг. и др. Источниковедческий анализ крепостных книг дан Г. Д. Капустиной в работе «Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник». См. «Проблемы источниковедения», вып. VII, М., 1958, стр. 216—273.

⁶ ЦГАДА, Поместный приказ, кн. 568, Переписная книга г. Ярославля 1710 г.; Угличская земская изба, ф. 700, кн. 25, Переписная книга Углича 1705 г.; Ландратские книги и ревизские сказки, ф. 350, кн. 4555, Переписная книга г. Углича и посада Моологи 1716 г. Переписная книга г. Углича 1705 г. указана мне И. М. Павловой, которой приношу глубокую благодарность.

⁷ ЦГАДА, Комиссия о коммерции, опись Кайданова, д. 631, лл. 193 об.—195.

⁸ Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, Киев, 1915, стр. 100; А. Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 г., ч. 3, СПб., 1859, стр. 21, 23—24.

⁹ См. Л. В. Данилова. Указ. со., стр. 98.

¹⁰ Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. «Исторические записки», т. 34, стр. 191; Е. В. Чистякова. Псковский торг в середине XVII в., «Исторические записки», т. 34, стр. 200; ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1696 г., д. 219, лл. 24—35.

ских кожевенных предприятий увеличилось. В сказках купцов гостиной сотни различных городов России 1704 г. имеются прямые указания на то, что на грани XVII—XVIII вв. у них было 9 собственных кожевенных предприятий. Владельцами этих предприятий были купцы гостиной сотни И. А. Микляев и Сергей Аникиев (Казань), Григорий Игумнов и братья Михаил и Алексей Игумновы (Чебоксары), Иван Андреев и О. С. Твердышев (Симбирск), А. С. Карганинов (Свияжск), братья Григорий и Дмитрий Лихонины (Суздаль) и Н. А. Чамов (Брянск)¹¹.

В Ярославле «сказки» дали 11 купцов гостиной сотни. В них нет прямых указаний на наличие у них собственных кожевенных предприятий в начале XVIII в. Но данные «сказок» ярославских купцов просто не отражали действительного положения. «Сказки» Ильи Остафьева Лузина по сути дела не имеется, так как «человек» его Иван Федоров сообщил лишь, что хозяин уехал в Казань «для своего торгового промысла». Фактически же Илье Остафьеву Лузину и его сыновьям принадлежало два кожевенных двора¹². Из сказки Луки Павлова Топленинова видно, что он, закупив сырые кожи, продал в Архангельске юфтей на 2244 руб. Данные же переписи 1710 г. показывают, что Л. П. Топленинов с племянниками являлся владельцем кожевенного двора¹³. Иван Павлов Топленинов сообщил в своей «сказке», что он купил в 1703 г. сырых кож на 474 руб. 36 алт. и «зделав те кожи продал... в Ярославле московскому жителю гостиной сотни Антипе Григорьеву сыну Борину». Выделанных кож оказалось 276 пудов 28 фунтов, и они были проданы за 733 руб. 11 алт. Несомненно, что И. П. Топленинов имел собственное кожевенное предприятие¹⁴. Дополнение «сказок» купцов гостиной сотни г. Ярославля данными переписной книги 1710 г. позволяет установить у них наличие трех предприятий¹⁵.

Всего на грани XVII—XVIII вв. у купцов гостиной сотни Ярославля, Казани, Чебоксар, Симбирска, Свияжска, Суздаля, Вятки и Брянска было не менее 13 кожевенных «заводов».

Собственные кожевенные предприятия имели и купцы из «первостатейных» посадских людей. Владельцами кожевенных предприятий в Ярославле были Семен Черницын, Василий и Матвей Куимовы, Дмитрий и Ермолай Еремины, Кузьма Микулин (Викулин), Степан Истомин, Иван Липас, Иван и Михайло Шабунины, Иван Михайлов и Иван Потапов. Всего непривилегированные купцы Ярославля имели 9 предприятий¹⁶. Собственные кожевенные «заводы» имели купцы Ларион Иванов Посников и Кузьма Дурыгин (Кострома), Максим Григорьев Жуков (Шуя), Данила Шетенев, торговцы (бывшие кожевники) Василий и Лаврентий Кожевниковы (Углич) и др.¹⁷.

Таким образом, в начале XVIII в. только в некоторых упомянутых выше городах действовало примерно три десятка купеческих кожевенных «заводов». Большинство из них несомненно возникло еще в XVII в.

Ревизские сказки 1722—1723 гг. позволяют сравнительно точно установить количество купеческих кожевенных предприятий в отдельных районах страны. По этим данным в Казани было не менее 9 «заводов»,

¹¹ ЦГАДА, Монастырский приказ, ф. 237, д. 1048, лл. 21—23 об., д. 1087, лл. 54 об.—56, д. 1111, л. 3—10, 32—33, д. 1112, лл. 5—7 об., д. 1116, лл. 3—8, 26—29, д. 1142, лл. 3 об.—5.

¹² Там же, д. 1070, лл. 3 об., 23, 26; Поместный приказ, кн. 568, лл. 520 об.—522.

¹³ Там же, ф. 237, д. 1070, лл. 14 об.—15 об.; Поместный приказ кн. 568, лл. 615 об., 632.

¹⁴ Там же, ф. 237, д. 1070, лл. 16 об.—17.

¹⁵ О купеческом кожевенном «заводе» С. Я. Лянгусова в Вятке см. Крепостные книги, кн. по Вятке 1706 г., лл. 82—82 об.

¹⁶ Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 95—96.

¹⁷ ЦГАДА, Крепостные книги, кн. по Костроме 1707 г.; Угличская земская изба, ф. 700, кн. 25, л. 276. «Труды Ярославской Ученой Архивной Комиссии. Акты Угличской провинциальной канцелярии (1719—1726 гг.)», т. II, М., 1909, стр. 183—185, 189—194.

в Симбирске — 7, в Чебоксарах — 6, в Арзамасе — 4, в Сызрани — 3, в Саранске — один, в Цивильске — один, в Туле — один, всего 32¹⁸.

Эти сведения можно дополнить данными сказок «О ремесленных людях», по которым устанавливается, что собственные «заводы» имели купцы Переяславля-Рязанского (Г. З. Колмаков и И. П. Колмаков) и Тобольска (С. М. Третьяков), Каргополя (три «завода»), Курска (два «завода») и Зарайска (один «завод»). В Угличе в 1725 г. было четыре купеческих кожевенных предприятия¹⁹.

В книге записей крепостных актов Ярославля 1727 г. нам посчастливилось найти данные о 21 купеческом предприятии в самом Ярославле и о купеческих «заводах» в Устюге Великом (два), в Болхове (один), Новой Ладогe (один). Крепостные книги Гороховца 1726—1727 гг. показывают, что в этом городе было три кожевенных «завода» и принадлежал он купцам Ивану Авдееву Ширяеву с сыновьями Петром и Иваном, Петру Григорьеву Ширяеву и Ивану Иванову Холкину²⁰.

Только по приведенным данным 1720—1727 гг. мы можем насчитать 73 кожевенных предприятия. Но остаются неучтенными «заводы» Твери, которая в 20-е годы была вторым после Ярославля центром кожевенного производства Москвы, Калуги, Болхова и других городов. Предположительно можно считать, что в 20-е годы в стране было около сотни купеческих кожевенных предприятий, т. е. в несколько раз больше, чем «указных» кожевенных мануфактур (их было всего 14)²¹.

Многие купеческие предприятия существовали в течение всей первой четверти XVIII в. И. А. Микляев (Казань) в 1701—1702 гг. отпуская в Архангельск «юфть своего переделу». В 1723 г. ему принадлежали уже два кожевенных предприятия — в Казани и в Казанском уезде. В 1701—1723 гг. непрерывно существовали предприятия Аникиевых (Казань), Михаила и Алексея Игумновых (Чебоксары), О. С. Твердышева (Симбирск), Викулиных и Ереминых (Ярославль) и других купцов²².

Указы Петра I о запрещении выделывать кожи с дегтем нанесли ущерб мелким товаропроизводителям и ремесленникам. Купеческие предприятия практически не пострадали от этих мер, так как выделка кож с дегтем на вывоз за границу была разрешена. Хотя некоторые купцы перешли к производству кож с ворваньим салом (Г. З. Колмаков и И. П. Колмаков в Переяславле-Рязанском, Ф. Ф. Полевой в Курске), но большинство продолжало выделывать кожи с дегтем. В 1721 г. Берг-коллегия признавала, что «богатые кожевныя промышленники делают кожи по старому манеру под видом тем, якобы в заморской отпуск»²³. Большинство купцов действительно отправляло свои кожи в порты и пограничные города для продажи иностранным купцам.

Все приведенные данные свидетельствуют о том, что купеческое предпринимательство в кожевенной, как и в ряде других отраслей обрабаты-

¹⁸ ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, кн. 5072, лл. 2—29; кн. 5550, лл. 354—401; кн. 1211, лл. 15—16; кн. 1228, лл. 77—77об., 82—82об., 104, 105—115об.; кн. 4076, лл. 1—14, 488, 534—539; 686—686об., 910—911, 995—995об.; кн. 4754, лл. 658, 681, 690, 692; кн. 4375, лл. 12—12об., 261—261об., 269, 576—576об.; кн. 5601, лл. 678об., 679, 680об.; кн. 4733, лл. 300—301, кн. 4543, лл. 76—76об.; кн. 2705, л. 295.

¹⁹ Там же, ф. 271, кн. 614, лл. 135об.—137, 153—153об., 291—293об., 303—303 об.; кн. 634, лл. 803—804; «Труды Ярославской Ученой Архивной Комиссии», т. II, стр. 183—185, 189—194.

²⁰ М. Я. Волков. Рынок рабочей силы Ярославля 20-х годов XVIII века. «Доклады и сообщения высшей школы. Исторические науки», 1959, № 1, стр. 7; ЦГАДА, Крепостные книги по Гороховцу 1726 г., д. 3, лл. 28, 39, 64, 77, 78об., 79, 91—91об.

²¹ Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I, М.—Л., 1947, стр. 10. В более поздней работе Е. И. Заозерская насчитывает всего 13 «указных» кожевенных мануфактур, из них 7 казенных и 6 частных. «Очерки истории СССР. Первая четверть XVIII в.», стр. 102.

²² ЦГАДА, ф. 237, д. 1116, л. 3—8, 26—29; д. 1111, лл. 7об.—10, 32—33; ф. 350, кн. 5072, лл. 10—11об., 16—17об.; кн. 5550, лл. 394—395; кн. 4076, лл. 1—2; Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 95; М. Я. Волков. Указ. соч., стр. 79.

²³ ЦГАДА, ф. 271, кн. 614, лл. 153—153об., 291—293об.; кн. 609, лл. 444об.—445об.

вающей промышленности, приняло широкие размеры. Капиталы, накопленные в сфере обращения, купцы частично вкладывали в промышленность и организовали в первой четверти XVIII в. большое количество кожевенных «заводов».

Как мы уже упоминали, П. Г. Любомиров и некоторые другие историки считали, что кожевенная промышленность XVII—XVIII вв., несмотря на наличие массового потребителя, не организовалась в крупные предприятия. При этом П. Г. Любомиров указывал причины, которые тормозили создание в этой отрасли крупных предприятий мануфактурного типа. «С одной стороны,— писал он,— нехитрое и дешевое оборудование кожевенного завода, состоящее из деревянных чанов, досок, железных скобелей и пр., было доступно и людям с очень небольшими капиталами. С другой стороны, в самом процессе производства гораздо большую роль играло время, чем рабочие руки». Золение, вымочка и дубление кож в нескольких растворах занимали очень много времени. «Партия кож, величина которой определяется вместимостью чана, идет в выработке минимум 13—14 недель. Т. е. при наилучших условиях в год капитал сможет обернуться три раза». Все это «задерживало приток крупного капитала в кожевенное производство»²⁴.

П. Г. Любомиров правильно охарактеризовал примитивность оборудования кожевенных «заводов» XVIII в. и отметил медленность оборота капитала в этой отрасли производства. Но, как было показано выше, многие представители торгово-промышленной верхушки страны вкладывали капиталы в эту отрасль, создавая собственные кожевенные предприятия. Поэтому следует более внимательно рассмотреть организацию производства в кожевенной промышленности первой четверти XVIII в.

Кожевня ремесленника и товаропроизводителя была оборудована «дубными» («дельными») и «зольными» чанами, ступой для толчения дуба, досками для мягчения кожи. Каждый кожевник имел и другой необходимый инструмент — струг, тупик и железные клещи. У большинства ремесленников и товаропроизводителей были кожевни в один — два, редко в три «дубных» чана. Реже встречается один «зольный» чан. Обычно золение производилось в обычной кади, где приготавлился также раствор из овсяной муки (овсяный кисель или квас)²⁵. Емкость чанов была различной. Судя по нашим документам, она колеблется от 5—6, чаще от 30—40 до 100—120 кож²⁶, т. е. при наиболее благоприятных условиях кожевник мог выделывать в одном чане от 90 до 360 кож в год.

Но подавляющее большинство кожевников не загружало свое оборудование полностью. Сказки ремесленников и товаропроизводителей Соликамска и Тобольска показывают, что они при наличии 2—3 чанов выделяли 20, 40, 50, редко 100 и больше кож. Так, соликамский кожевник Лука Лапин при полной загрузке оборудования мог выделывать 600—700 кож в год. Но из его сказки узнаем, что «в переделе де у него бывает юфотных кож по 30 и по 30 по 5 во тчан, а подошевных по 10 и по 15 и по 20 во тчан». При этом все кожи принадлежат заказчикам, а он «сам на себя в торг за скудостью не промышляет»²⁷. Кожевники не могли загрузить оборудование из-за дороговизны основного сырья для производства. Сырые кожи продавались на внутреннем рынке по 35, 40, а чаще всего по 50 руб. за сотню. При розничной покупке они обходились еще дороже. Для того, чтобы загрузить свое оборудование, хотя бы для одного цикла, Л. Лапин должен был затратить 100—120 руб. на покупку сырых кож. Таких денег он «за скудостью» не имел, как и подав-

²⁴ П. Г. Любомиров. Указ. соч, стр 175—177.

²⁵ См., например, описание кожевен ремесленников и товаропроизводителей Курска, Соликамска и других городов в ведомостях о «ремесленных людех» (ЦГАДА, ф. 271, кн. 614, лл. 152—152об.; кн. 634, лл. 876—908об.).

²⁶ Там же, кн. 634, лл. 876—908об.

²⁷ Там же, лл. 898—899об.

ляющее большинство ремесленников и товаропроизводителей в кожевенной промышленности. Этого обстоятельства не учитывали П. Г. Любимов и другие авторы, писавшие о кожевенной промышленности XVIII в.

Купеческие кожевенные «заводы» действительно имели такое же оборудование, как и мастерская ремесленника и товаропроизводителя. Такой же была и технология выделки кож. Но эти «заводы» в большинстве своем были крупнее, имели большее количество чанов.

Кожевенные избы купцов строились на особых дворах, ближе к реке. Иногда во дворе, отдаленном от воды, специально рыли колодезь. Таким, например, был кожевенный «завод» в Москве, описанный в 1696 г. Он размещался на одном дворе вместе с кирпичным и укусным «заводами» и состоял из нескольких помещений. В кожевенной избе было 7 «тчанов больших». Кроме этого, 3 больших чана имелись в двух избах, находившихся у ворот. Рядом с ними был погреб и сарай, где хранились кора для дубления в 4 коробах и 2 рогожи золы. Около кожевенной избы были расположены погреб, сушило и колодезь²⁸. Этот «завод» имел втрое больше чанов, чем кожевня ремесленника.

Кожевенное предприятие на 6 чанов имел зарайский торговец А. Т. Желвунов. Таких же размеров был «завод» Г. З. Колмакова (Переяславль-Рязанский). У курского купца А. Скорнякова было 8 чанов, «да в дубне 4 ступы, в которых дуб толкут». Всего 3 чана было на «заводе» И. П. Колмакова (Переяславль-Рязанский)²⁹. В мае 1725 г. в Чебоксарах были описаны кожевенные «заводы», на которых выделялись кожи с дегтем. Среди них оказались 6 купеческих предприятий. А. Киселев имел «завод», мало чем отличавшийся от кожевни товаропроизводителя, — на нем было всего 3 чана. И. В. Зарубин и А. Е. Кадомцов имели «завод» в 5 чанов. Предприятия средних размеров были у И. С. Пичугина (12 чанов), Савы Игумнова (10 чанов) и Г. Я. Кологривова (10 чанов). Самый крупный «завод» был у купца гостиной сотни Михаила Федорова Игумнова. В момент описания на нем «явилось красново товару старого манеру 6000 кож», т. е. на «заводе» было, видимо, 30—40 «дубных» чанов³⁰.

О том, как выглядел кожевенный «завод» сравнительно крупных размеров, можно судить по описанию предприятия тобольского купца гостиной сотни Степана Михайлова Третьякова. Здесь было «19 чанов дубных, вышины и ширина по сажене, зольных чанов 5, вышины и ширина потому ж, трои клещи железные... У него ж для битья дубу 6 ступ». На еще более крупном предприятии М. Ф. Игумнова и его брата Алексея еще в начале XVIII в. для толчения дуба была построена мельница³¹.

Купеческие «заводы» отличались от мастерской ремесленника не только количеством, но и емкостью основного оборудования — «дубных» чанов. На «заводе» зарайского купца А. Т. Желвунова емкость чанов составляла 120 кож, у И. С. Пичугина (Чебоксары) — 150 кож, у С. М. Третьякова — 160 кож. Даже самые мелкие кожевенные предприятия купцов по количеству чанов и их емкости превосходили основную массу кожевен мелких товаропроизводителей.

Существенное отличие купеческих «заводов» состояло также в том, что они были обеспечены сырьем и их оборудование в связи с этим использовалось более полно. Только купцы могли обеспечить сырьем более крупные, чем мастерская ремесленника и мелкого товаропроизводителя, кожевенные предприятия³².

²⁸ ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1696 г., д. № 218, лл. 24—25. В это время завод перешел во владение К. Калмыкова.

²⁹ ЦГАДА, ф. 271, кн. 614, лл. 153—153об., 291—293об., 303—303об.

³⁰ Там же, ф. 796, д. 9, лл. 14об.—16.

³¹ Там же, ф. 271, кн. 634, лл. 803—804; д. 237, д. 1111, лл. 32—33.

³² О покупке сырья купцами см. там же, ф. 237, д. 1048, лл. 21—23об.; д. 1087, лл. 54об.—56; д. 1112, лл. 5—7об.; Крепостные книги, кн. по Вятке, 1711 г., лл. 131—131об., 134об., 139об.—141; 1715 г., лл. 3—3об., 7об.—8; 1726 г., лл. 3—8об., 6—6об.

Среди крупных «неуказных» кожевенных предприятий выделялись «заводы» И. А. Микляева, Михаила и Алексея Игумновых и С. Д. Шетенева. И. А. Микляев в 1723 г. отправил в Петербург 9328 кож, выделанных на его «заводе» в Казани, 8918 кож — на Алатском «заводе» в Казанском уезде и 13 602 кожи «Казанского и Алацкого переделу», всего 31 848 кож. Можно предположить, что на каждом «заводе» И. А. Микляева выделявали в год 14—16 тыс. кож. В 1725 г. были проведены описания кожевенных «заводов» в Угличе и Чебоксарах. При описании оказалось, что у С. Д. Шетенева (Углич) на «заводах» в чанах было 6427 кож, а у М. Ф. Игумнова (Чебоксары) — 6000 кож³³.

Приведенные факты показывают, что купцы-предприниматели вкладывали в покупку сырых кож сотни, а иногда и тысячи рублей. Таких сумм не могли иметь ремесленники и товаропроизводители. К тому же при оптовых закупках купцы уплачивали по 40—50 руб. за сотню сырых кож, а при розничной покупке, к которой вынуждены были прибегать ремесленники и мелкие товаропроизводители, сырые кожи обходились дороже. Об этом, в частности, свидетельствует опыт крупной казенной мануфактуры Московского кожевенного двора. Розничная закупка 1148 сырых кож обошлась этому предприятию в 1720 г. в 1761 руб., т. е. более 150 руб. за сотню сырых кож³⁴.

Купеческие «заводы» обеспечивали сырьем также и «заказчики». При описи «завода» у С. Д. Шетенева, помимо своих 4947 кож, «в деле» оказались 771 кожа Савы Резякина и 709 кож Евстрата Тыранова. Оба заказчика были бежескими купцами. Они отдали кожи «в передел» С. Д. Шетеневу, намереваясь после этого отправить их в Петербург «для продажи за море»³⁵. Такие «заказчики», крупные торговцы юфтью, везли кожи «в передел» прежде всего в Ярославль. Один М. Г. Евреинов в 1701 г. привез в Ярославль «в дело» 20 571 кожу и «те все кожи переделав красным (товаром.— М. В.)... отпущены... к Архангельскому городу». Исполнителями заказов в Ярославле были не только ремесленники и мелкие товаропроизводители. С появлением купеческих кожевенных «заводов» такие оптовые заказы стало выгодно поручать им³⁶.

Готовая продукция купеческих «заводов» шла по преимуществу к портам для вывоза за границу. Из купцов гостиной сотни, имевших «заводы», только брянский купец Н. А. Чамов не отправлял юфти в Архангельск и продавал их на Украине. Некоторые купцы часть продукции отправляли в Астрахань, т. е. также на вывоз³⁷. Основная масса кож продавалась в Архангельске, а с начала 20-х годов — в Петербурге.

Продукция купеческих «заводов» продавалась и внутри страны, но сравнительно небольшими партиями³⁸. Раздробленный внутренний спрос удовлетворялся, видимо, мелкими товаропроизводителями и ремесленниками. Поэтому даже те купцы-предприниматели, которые сами не имели возможности отправить продукцию своих «заводов» в Архангельск продавали их на вывоз за границу более крупным купцам. И. П. Топлеинов (Ярославль) продукцию 1703 г. продал в Ярославле московскому купцу гостиной сотни А. Г. Борину всего за 733 руб. 11 алт. И. Д. Домматов (Пенза) продукцию своего предприятия отправлял в Астрахань и в Ярославль. А. Скорняков (Курск) производил «кожи з дехтем, которая идет для отпуску за моря и для отпуску в Санкт-Питербурх и к городу Архангельскому, а продает в Курску»³⁹.

³³ ЦГАДА, ф. 796, д. 9, лл. 14об.—16; ф. Коммерц-коллегии, оп. Кайданова, д. 72, лл. 366—367; «Труды Ярославской Ученой Архивной Комиссии», т. II, стр. 181.

³⁴ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 39, д. 294а.

³⁵ «Труды Ярославской Ученой Архивной Комиссии», стр. 195—196.

³⁶ ЦГАДА, ф. 237, д. 1070, лл. 20об.—21; ф. 273, Таможенные книги, д. 1, л. 12.

³⁷ ЦГАДА, ф. 237, д. 1037, лл. 54об.—56; д. 1111, лл. 7об.—10.

³⁸ См., напр., там же, д. 1111, лл. 3—6об.

³⁹ Там же, д. 1070, лл. 16об.—17; ф. 271, кн. 614, лл. 153—153об., «Доклады и приговоры Сената», т. IV, кн. II, СПб., 1891, № 1408.

И, наконец, последнее и самое главное отличие купеческих «заводов» от кожевен мелкого товаропроизводителей состояло в том, что их владельцы не участвовали в процессе производства. Предприятия купцов обслуживались трудом наемных или зависимых работников. Наемный труд (а также труд зависимых работников) в кожевенной промышленности начинает применяться на предприятиях с тремя, а иногда даже и с двумя чанами. При обеспеченности таких предприятий сырьем, главным образом сырыми кожами, кожевник с членами своей семьи не мог справиться с отделкой и должен был привлекать одного или нескольких работников. Но главную роль на этих предприятиях играл труд семейных работников. У купца, даже на самом мелком предприятии, решающую роль играл труд наемных или зависимых работников. И. П. Колмаков (Переяславль-Рязанский) имел предприятие с тремя «дубными» чанами. До августа 1720 г. на нем работали два крестьянина с. Павлова Нижегородского уезда и митрополичий оброчный крестьянин Переяславля-Рязанского. Предприятие в три чана обслуживали, таким образом, три наемных работника⁴⁰.

На кожевенных предприятиях, которые были оборудованы 6—12 чанами и производили 1—2 тыс. кож в год, количество рабочих колебалось от 6 до 20 человек. К такого рода предприятиям принадлежали «заводы» каргопольских купцов Прибытковых, С. М. Лыткина и Ватагиных. Все они обслуживались наемными работниками. У братьев Ивана и Андрея Прибытковых работали 11 человек. 7 человек были «пришлыми» из Ярославля «на время». Они были кожевниками и имели навыки выделки кож. Один из них становился организатором производства («завотчик»). Ему «найму» давалось по 10 руб. Остальные 6 человек, составлявшие квалифицированную силу предприятия, получали со 100 кож по 2 руб. 50 коп. На «заводе» выделка кож производилась с 20 мая по 1 октября и за это время выделывали по 2 тысячи кож, «а иногда больше и меньше». Кроме кожевников нанимались вспомогательные работники — «волостные» крестьяне Каргопольского уезда. Их было 4 человека, а «найму даетца им всем со ста кож по 10 алтын человеку»⁴¹. У Степана Михайлова Лыткина было 10 человек наемных работников: 6 человек — «пришлые» из Ярославля и 4 человека местных уездных крестьян. Не было только «завотчика». Оплата труда была такой же, как и у Прибытковых. «Завод» С. М. Лыткина работал с 1 мая по 1 октября и давал 2 тыс. кож. На заводе Ватагиных было 7 наемных работников: 3 человека «пришлые по подряде» из Ярославля, 4 — местные крестьяне. Завод работал с 9 мая по 1 октября и давал 1700 кож⁴².

На предприятиях, имевших свыше 12 «дубных» чанов, работало от 20 до 100 и более работников, в зависимости от количества оборудования и обеспеченности его сырыми кожами. На них, сменяя друг друга, работали дуботолки, ломовые работники, топтали, строгальники и «завотчики». Купец гостиной сотни П. Г. Ширяев нанял 19 ноября 1726 г. в Гороховце работников. По договору с хозяином работники обязались выполнить следующую работу: Кирила Иванов Чулков «с товарищи 6 человек — толчи корье и истолокши сеять в грохоту», Иван Мякоткин «с товарищи 4 человека — работать и отправлять всякую ломовую работу», Лука Жадырев «с товарищи 4 человека — работать мячильную и мязрильную работу и на реке товар топтать и полоסקать, также в дубы и из дубов топтать же» и Григорей Селецков — «строгать сырые кожи». Кроме того, Ширяев нанял двух «заводчиков», и для полной отделки кож должен был нанять строгальников⁴³.

⁴⁰ Там же, ф. 271, кн. 614, лл. 292об.—293об., 300об.—301.

⁴¹ Там же, лл. 135об.—136.

⁴² Там же, лл. 136—136об.

⁴³ Там же, Крепостные книги, кн. по Гороховцу 1726 г., лл. 91—91об. По нашему расчету П. Г. Ширяев и И. А. Ширяев для обслуживания своих предприятий в конце

В 1707—1713 гг. купцы-предприниматели Костромы Ларион, а затем его сын Федор Посниковы ежегодно нанимали на свое предприятие по несколько десятков работников — дуботолков и строгальников. Л. Посников в 1707 г. по 4 записям нанял дуботолков «бить дуб» в совокупности на 60 чанов и по трем записям — строгальников отделать в совокупности 3000 юфтей. Учитывая, что на 15 чанов нанимали 6 дуботолков, а на каждые 1000 юфтей Л. Посников нанимал 9 строгальников, можно определить, что в 1707 г. на этом предприятии работал 51 работник, не считая топталей и работников других специальностей. В 1713 г. Ф. Посников нанял дуботолков «бить дуб» на 42 чана и строгальников — отделывать 3200 юфтей⁴⁴.

Предприниматели Ярославля нанимали в основном также строгальников и дуботолков. На их предприятиях работали также топтали и «завотчики» и работники других специальностей, но их наем почти не фиксировался в крепостной книге 1727 г., так как они работали без записи в течение короткого времени. Поэтому мы не можем привести точные данные о количестве работников на предприятиях ярославских купцов. Но и без учета этих специальностей получается, что на отдельных предприятиях было занято значительное число работников. М. К. Викулин имел одновременно 18 дуботолков и 70 строгальников, А. Ф. Волков — 18 дуботолков, И. Я. Кирпичев — 60 строгальников, Д. Г. Куликов — 6 дуботолков и 41 строгальника⁴⁵. Исходя из пропорций предприятия П. Г. Ширяева, общее число работников на предприятиях М. К. Викулина можно определить в 115—120 человек, А. Ф. Волкова — 100—110, И. Я. Кирпичева — 90—100, Д. Г. Куликова — 70—75 человек. Более 20 работников было занято на предприятиях Н. И. Мякушкина, А. Ф. Юрєва, Михея Воеводкина, И. И. Соколова, Н. Д. Еремина, Макара Воеводкина, Ф. М. Серого и некоторых других купцов Ярославля.

Таким образом, купеческие кожевенные «заводы», независимо от размеров производства, качественно отличались от мастерской ремесленника и мелкого товаропроизводителя. Это были различные по числу работников кооперации, во главе которых стоял купец-предприниматель.

Приведенные выше примеры показывают, что для кожевенной промышленности характерны предприятия со сравнительно небольшим числом работников. Выделение в этой отрасли производства крупных предприятий с несколькими сотнями, а то и с тысячей рабочих — дело неосуществимое не только для начала XVIII в., но и для XIX и даже для начала XX вв. Именно на этом основан вывод П. Г. Любомирова об отсутствии в кожевенной промышленности XVIII в. крупных предприятий.

Среди купеческих кожевенных «заводов» первой четверти XVIII в. было действительно много мелких предприятий с 3—5 чанами и с 3—6 работниками. Эти предприятия по своим размерам сравнительно мало отличались от крупных кожевенных мелких товаропроизводителей, где работали и сами хозяева и их работники, но труд «семейных» работников играл главную роль. Они мало отличались от кожевенных мелких товаропроизводителей и по внутренней организации процесса выделки кож. Предприятия от 6 и до 50—60 чанов с 6—120 работниками следует рассматривать как средние и крупные предприятия кожевенной промышленности. Отделить их друг от друга мы, к сожалению, не можем, так как не можем пока положить в основу классификации определенного качественного признака.

П. Г. Любомиров считал, что укрупнением предприятий в кожевенной промышленности достигалась возможность постановки одновремен-

1725—1726 гг., когда производилась выделка кож в 15 чанах, наняли по 35 работников (там же, кн. 1725, 1726 гг.).

⁴⁴ Там же, кн. по Костроме, 1707 г., июль — декабрь, лл. 25, 29об., 32об., 34, 69; 1713 г., лл. 149, 154, 158об., 188об.—189.

⁴⁵ М. Я. Волков. Указ. соч., стр. 79.

но различных операций по выделке кожи. Пока первая партия кож проходит золеение, вторая в это время вымачивается, третья находится в первом растворе дуба, четвертая — во втором растворе и т. д.⁴⁶ При такой постановке операций каждый работник должен выполнить определенные функции. В каждый данный момент на «заводе» заняты частичные рабочие всех специальностей, так как если один готовит дуб, то другие в это же время будут заняты отделкой кож, прошедших дубление. Эта организация производства и есть мануфактурная организация предприятия кожевенной промышленности. Или, если можно так выразиться, это есть классическая форма мануфактурной организации производства в кожевенной промышленности. Купеческие «заводы» первой четверти XVIII в. имели иную организацию выделки кож. Хотя в нашем распоряжении нет описания организации производства, но, суммируя все косвенные свидетельства, можно утверждать, что среди «неуказных» купеческих предприятий не было «заводов» с той формой мануфактурной организации, которую описал П. Г. Любомиров.

Купеческие кожевенные «заводы» выросли на основе раздробленного ремесленного производства, и они во многом закономерно повторяли организацию процесса производства, сложившуюся в ремесленной мастерской. Консервации такой организации процесса производства способствовало то, что организаторами кожевенных «заводов» были купцы, которые ориентировались на условия сбыта юфтей в Архангельске, а затем в Петербурге. Они не стремились к постановке многих операций, чтобы равномерно в течение года получать сравнительно небольшие партии выделанных кож. Они стремились в течение кратчайшего времени выделать всю партию сырых кож и сбыть юфти в портах в период ярмарки. Поэтому, как и мастерские ремесленников, почти все купеческие «заводы» работали в течение сезона, достаточного для одного или двух производственных циклов. Об этом говорит и тот факт, что производственная мощность «заводов» часто была значительно большей, чем возможность обеспечения сырьем. Так, на предприятии тобольского купца С. М. Третьякова за один производственный цикл можно было выделить 3040 кож, а фактически в год выделялось не более 2 тыс. кож, т. е. оборудование «завода» не загружалось полностью⁴⁷.

В кожевне с одним-двумя чанами ремесленник на первой стадии дубил кожи, т. е. последовательно золил, мочил, счищал «мяздру», мягчил и затем дубил кожи в нескольких растворах. Вторую стадию составляла отделка кожи — строганье, глажение, окраска. Пока производитель с членами своей семьи занимался отделкой кож, его основное оборудование — «дубные» чаны — простаивало. На купеческих кожевенных «заводах», где выделка кож производилась за один цикл, происходило то же самое, что и в мастерской ремесленника. На первой стадии работали дуботолки и другие работники, необходимые для дубления кожи. Затем их сменяли строгальники, начинавшие отделку кож, а основное оборудование предприятия — чаны — простаивало опять-таки до поступления новой партии сырых кож, т. е. обычно до следующего года. На предприятиях, где выделка кож производилась в два цикла, простой оборудования был естественно меньше, так как после завершения дубления первой партии чаны загружались новой партией сырых кож.

На предприятиях купцов выделкой кож занимались частичные рабочие различных специальностей. Организуя закупку определенного количества сырых кож, купец одновременно нанимал первую партию работников, необходимую для первой стадии производства — дубления. В эту партию входили дуботолки, топтали, ломовые работники, строгали и «завотчики». После завершения дубления дуботолки уходили

⁴⁶ П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 176—177.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 271, кн. 634, лл. 803—804.

с предприятия, а купец нанимал новую, более многочисленную партию работников, занимавшихся отделкой кож. На этой стадии выделки кож в производстве были заняты строгальники, гладильщики и красильники.

Предприятия, объединявшие частичных работников различных специальностей, имели, таким образом, внутреннее разделение труда. Более крупные из них мы вправе классифицировать как мануфактурные предприятия со специфической внутренней организацией процесса производства. К ним следует отнести купеческие «заводы», имевшие более 12 чанов и, как правило, более 20 работников. На таких «заводах» купец-предприниматель всегда соединял вместе частичных работников большинства специальностей — дуботолков, топталей, ломовых работников, «завотчиков» и строгальников.

Крупные купеческие «заводы» с характерной для кожевенной промышленности XVIII в. мануфактурной организацией возникли еще в XVII в. (например, предприятие Василия Шорина и Семена Задорина в Нижнем Новгороде). В начале XVIII в. «неуказные» кожевенные мануфактуры имели И. А. Микляев и С. Аникиев (Казань), Михаил и Алексей Игумновы (Чебоксары), Иван Андреев и О. С. Твердышев (Симбирск), Кузьма Викулин (Микулин) и братья Дмитрий и Ермолай Еремины (Ярославль), Ларион Иванов Посников (Кострома). В 20-е годы XVIII в. таких предприятий можно насчитать значительно больше. Только в Ярославле было не менее 14 предпринимателей, на «заводах» которых насчитывалось более 20 работников всех категорий. Мануфактурами были предприятия И. А. Микляева и Аникиевых (Казань), Михаила и Алексея Игумновых (Чебоксары), С. Д. Шетенева (Углич), П. Г. Ширяева, И. А. Ширяева, И. И. Холкина (Гороховец), А. Л. Бобкова (Болхов), С. М. Третьякова (Тобольск) и других купцов.

Таким образом, в кожевенной промышленности первой четверти XVIII в. было значительно больше, сравнительно с «указными» мануфактурами, не только мелких и средних «неуказных» купеческих «заводов», но и «неуказных» кожевенных мануфактур.

* * *

При определении характера производства на купеческих кожевенных «заводах» огромное значение имеет вопрос о рабочей силе. Привлечение массового материала, который содержат ревизские сказки и записи о найме работников в крепостных книгах, позволяет определенно ответить на вопрос о характере отношений, складывавшихся между хозяином и работником.

На купеческих «заводах» мы встретили применение труда крепостных, кабально-зависимых и наемных работников. Но из нескольких десятков предприятий, по которым у нас имеются данные, труд крепостных и зависимых работников применялся лишь на нескольких.

На Алатском кожевенном «заводе» И. А. Микляева при переписи 11 октября 1722 г. оказалось 15 крепостных людей и 5 наемных работников. Исключая малолетних детей (до 13 лет), получаем, что «крепостных» людей на оных заводах для работы» было 12 человек в возрасте от 13 до 60 лет. В дополнение к ним 26 октября 1722 г. Микляев нанял 34 человека дуботолков и других работников⁴⁸, т. е. наемные работники здесь преобладали — их было 39 человек против 12 крепостных.

Второй «завод» И. А. Микляева находился в Казани. В городе у Микляева было также много крепостных и зависимых работников, но он не использовал их для работы на своем городском «заводе». На этом кожевенном предприятии «во время работы нанимаютца у него казанские русские обыватели, разночинцы, помесячно, пonedельно и поденно, в ко-

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 350, кн. 1098, лл. 24—25, 45—45об.; Крепостные книги, кн. по Казани, 1722 г., л. 241об.

торое время кожи делаютца и корье бьют»⁴⁹. В Казани, где было достаточно квалифицированных и неквалифицированных работников, И. А. Микляев обходился только трудом наемных работников. Крепостных он использовал на предприятии, находившемся в сельской местности, где предложение рабочих рук было недостаточным. Об этом же свидетельствуют данные о рабочей силе по «заводу» чебоксарского купца С. К. Игумнова. Его кожевенный «завод» находился в селе Коймары Алатской дороги Казанского уезда. В момент переписи, 3 сентября 1722 г., на «заводе» оказалось всего три работника. Первый работник Степан Максимов сообщил, что он «на оном заводе работает за взятые заемные деньги». Второй — чебоксарский посадский человек Федор Федоров дал «запись» С. К. Игумнову «на урочные годы» и живет по ней уже четвертый год. Третий работник «черемисин» Салтанайка Паскин «в нынешнем де 722-м году с великого поста нанялся... на оном заводе до Филипова поста, рядил 2 рубли»⁵⁰. Эти данные показывают, что С. К. Игумнов, не надеясь обеспечить рабочей силой предприятие, находившееся в сельской местности, кабелил работников (Степан Максимов) или присылал зависимых работников из города (Федор Федоров). Использование труда крепостных и кабально-зависимых работников встречалось не только в сельской местности, но и в городах, где предложение труда было недостаточным. Так, на кожевенном «заводе» П. Д. Кожевникова (Саранск) работали «из найму саранские ж обыватели поденно и понедельно, также и вышеуказанные дворовые люди» (два человека)⁵¹.

В городских центрах кожевенного производства — таких, как Ярославль, Казань, Кострома, Чебоксары, Арзамас, Гороховец и другие, где было сосредоточено более 60 кожевенных «заводов», на предприятиях купцов работали только наемные работники. Они делились на две категории — работники по «записи» и без «записи».

Оформление найма «записью» в крепостных книгах накладывало известный отпечаток на положение рабочих людей. Работник самовольно не мог уйти с предприятия до истечения срока найма, и предприниматель мог потребовать возмещения убытков, связанных с самовольным уходом работника. На основе таких норм возникали кабальные отношения между хозяином и работником. Особенно это проявилось при использовании труда долгосрочных работников по «записи» в сфере торговли. Однако в кожевенном производстве использование труда «записных» работников, за редким исключением, уже не приводило к развитию кабальных отношений. На мелкие и средние кожевенные предприятия купцы нанимали работников по «записи», как правило, на весь сезон выделки кож, т. е. с весны до поздней осени. А. Ф. Калашникова (Чебоксары) наняла в 1723 г. «для кожевенного мастерства до Филипова заговенья» (15 ноября ст. ст.) двух работников. Один из них был чебоксарский бобыль Алексей Петров, другой — крестьянин дворцового села Мурашкина Нижегородского уезда Никита Иванов Лопатин, отпущенный «с пашпортом на время, для работы»⁵². С мая по 1 октября нанимали ярославских кожевников и уездных крестьян каргопольские купцы-предприниматели Прибытковы, Лыткин и Ватагины (всего 28 человек). «На малое время» были наняты в августе 1722 г. арзамасским купцом И. Н. Сальниковым «заводчик» Яким Нефедьев Смирнов и остальные 4 кожевника⁵³.

Случаи найма кожевников по «записи» на более долгий срок, чем сезон выделки кож (7—9 месяцев), очень редки⁵⁴. Купцу-предпринимателю невыгодно было содержать без использования работников зимой.

⁴⁹ Там же, ф. 350, оп. 3, кн. 5072, лл. 15—15об.

⁵⁰ Там же, кн. 1096а, лл. 237об.—238об.

⁵¹ Там же, кн. 2705, л. 295.

⁵² Там же, кн. 4754, лл. 658, 1018.

⁵³ Там же, оп. 1, кн. 86, лл. 1—2; ф. 271, кн. 614, лл. 135об.—137.

⁵⁴ См. там же. ф. 350, кн. 4754, лл. 690—690об., 1044—1044об.; кн. 5550, л. 390.

На крупных предприятиях, где работники выполняли определенные виды работ, получила распространение другая форма найма по «записи». Предприниматель нанимал работников для выполнения определенного объема работы или «урока». Костромские предприниматели Л. Посников и К. Дурыгин в 1707 г. нанимали дуботолков «бить дуб» на определенное количество чанов и строгальников «зделать красного юфотного товару» определенное количество кож. На таких же условиях нанимали дуботолков и строгальников Федор Посников в 1711—1713 гг., гороховецкие предприниматели П. Г. Ширяев, И. А. Ширяев и И. И. Холкин в 1726 г., ярославские купцы-предприниматели в 1727 г. и др.⁵⁵. Эта форма привлечения и эксплуатации работников была еще более близкой к свободному найму, чем форма найма по «записи» на один сезон.

«Записные» работники, особенно на крупных предприятиях, составляли лишь часть рабочей силы. Вторую группу составляли работники без «записи», среди которых были как квалифицированные, так и неквалифицированные работники. Чебоксарские предприниматели Михаил и Алексей Игумновы в своей сказке 1723 г. сообщали о них следующее: «Да у нас же в Чебоксарах на кожевенном и на сальном и на мельнице работают погодно, и помесечно, и понедельно, и поденно разных городов и уездов русские, и чуваша, и гладильщики. И оные работные люди сами о себе вит покажут». На «заводе» сызранского купца И. Г. Скорнякова все 6 работников были наняты без «записей». Владелец предприятия не перечислил их в своей сказке 1723 г., мотивируя это тем, что «оные работники наняты... с покормежными письмами на время»⁵⁶. Найм работников без «записей» было ни чем иным как свободной куплей-продажей рабочей силы.

Оплата труда работников находилась в зависимости от их квалификации и от количества готовой продукции. Больше всего получали «завотчики», которые являлись организаторами всего производства до того, как кожи поступали в отделку строгальникам. В 1706 г. ярославские посадские люди И. Д. Серков и К. Ф. Башарин нанялись «завотчиками» на предприятие купца гостиной сотни С. Я. Лянгусова в Вятке. Они обязались «делать... 20 дел» (чанов) кож, «а со всякого дела рядили... по 2 рубли з гривною, итого 40 рублей 4 рубли», т. е. по 22 руб. на человека. В 1727 г. Ф. М. Серый нанял на свое предприятие в Ярославле двух «завотчиков» на 30 чанов и обязался уплатить им за работу 30,6 руб., т. е. по 15,3 руб. на человека. «Завотчики» на предприятии П. Г. Ширяева получали по 22 руб. на человека за работу на 20 чанах⁵⁷.

Строгальники получали в Костроме в 1707—1713 гг. по 5 денег с юфти, в Ярославле в 1727 г. от 6 до 9 денег с юфти и 9—10 денег с юфти в Болхове и Устюге Великом. В зависимости от «урока» заработок строгальника составлял от 2 до 4 руб., но работали они в течение короткого срока. Дуботолки в Костроме в 1707—1708 гг. получали 26 алт. 4 д.—28 алт. 2 д. с чана, в Ярославле в 1727 г.—от рубля до 1 руб. 75 коп. с чана, в Гороховце — по 2 руб. с чана. В зависимости от «урока» заработок дуботолков колебался от 5 руб. до 10 руб. 75 коп. за 6—8 месяцев⁵⁸. Об оплате труда кожевников других специальностей имеются лишь единичные упоминания⁵⁹.

⁵⁵ Там же, Крепостные книги, кн. по Костроме, 1707 г., июль — декабрь, лл. 25, 29об., 32об., 34, 57об., 69; 1713 г., лл. 149, 158об. 188об.—189; кн. по Гороховцу, 1726 г., лл. 28, 39, 64, 77, 78об., 79, 91—91об.; М. Я. Волков. Указ. соч., стр. 78—80.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 350, кн. 5550, лл. 394—395; кн. 4375, лл. 261, 269.

⁵⁷ Там же, Крепостные книги, кн. по Вятке, 1706 г., лл. 82—82об.; М. Я. Волков. Указ. соч., стр. 79—80.

⁵⁸ М. Я. Волков. Указ. соч., стр. 80; ЦГАДА, Крепостные книги, кн. по Костроме, 1707 г., июль — декабрь, лл. 25, 29об., 32об., 34; 1713 г., лл. 149, 154, 168об., 188об., 189.

⁵⁹ ЦГАДА, Крепостные книги, кн. по Гороховцу, 1726 г., лл. 91—91об.

В первой четверти XVIII в. существовала практика и повременной оплаты труда, но она была менее распространена, чем сдельная или «урочная». В нашем распоряжении имеются лишь два примера такого рода и оба — по мелким предприятиям. Г. Колмаков платил кожевнику Семену Алфимову Смагину по 5 алт. в неделю, а И. Колмаков платил дуботолку «по гривне на неделю»⁶⁰.

Работники на кожевном предприятии работали обычно от одного — двух (строгальники) до 6—8 месяцев (дуботолки). Но несмотря на это, в кожевенной промышленности первой четверти XVIII в. создавался сравнительно постоянный контингент работников, которые из года в год нанимались на одно и то же предприятие для выполнения определенного вида работы. На кожевном «заводе» Лариона Посникова, а затем его сына Федора, из года в год нанимались работать одни и те же строгальники и дуботолки. Так, крестьянин Богоявленского монастыря Федор Киприянов «с товарищи» нанимались дуботолками в 1707, 1711 и 1713 гг. В эти же годы нанимались строгальниками крестьяне помещика Петра Шувалова — Тимофей и Лука Ивановы «с товарищи», крестьяне Ипатского монастыря Матвей Петров «с товарищи». В 1711 и 1713 гг. в дуботолки нанимались крестьяне Ипатского монастыря Петр Леонтьев «с товарищи», в строгальники — крестьяне помещика Ивана Щепкина Прокофей и Василий Григорьевы «с товарищи»⁶¹.

Данные о рабочей силе, условиях найма работников и оплате их труда дают все основания сделать вывод, что на большинстве купеческих предприятий не случайно, а систематически эксплуатировался труд наемных квалифицированных и неквалифицированных работников. Купец выступал как капиталист, стоящий во главе производства, а работники продавали ему свою рабочую силу. Лишь на некоторых предприятиях наряду с наемными работниками использовались и крепостные.

* * *

Подведем краткие итоги.

Использованные документы позволяют выявить в первой четверти XVIII в. сравнительно многочисленную группу «неуказных» купеческих кожевенных предприятий. Их организаторами были наиболее зажиточные представители торгово-промышленной верхушки русского города — купцы гостиницы сотни и «первостатейные» посадские люди.

Организация и характер производства на купеческих кожевенных «заводах» первой четверти XVIII в. свидетельствуют о том, что в подавляющем своем большинстве это были предприятия капиталистического типа. С помощью наемных работников на них выделялись крупные партии кож, в основном на внешний рынок. Мелкие и часть средних предприятий не имели внутреннего разделения труда, и их следует классифицировать как капиталистическую простую кооперацию. Часть купеческих кожевенных «заводов» были капиталистическими предприятиями мануфактурного типа. Важно отметить, что их было значительно больше, чем казенных и частных «указных» кожевенных мануфактур. «Указные» кожевенные мануфактуры, по выражению П. Г. Любомирова, тонули в море «неуказного» производства. Поэтому изучение истории «неуказного» производства в кожевенной промышленности, как и в ряде других отраслей, есть изучение основного направления в истории развития русской промышленности.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 271, кн. 614, лл. 300—301.

⁶¹ Там же, Крепостные книги, кн. по Костроме, 1707 г., июль — декабрь, лл. 29об., 32об., 34; 1711 г., лл. 91, 135об., 142; 1713 г., лл. 149, 154, 189.

